

Амандин Регаме

Образ мигрантов и миграционная политика в России¹

Амандин Регаме
(Amandine Regamey)

Университет Париж I
Пантеон-Сорбонна /
Высшая Школа Социальных наук,
Париж, Франция
regamey@univ-paris1.fr

С июля 2006 по январь 2007 г. был принят ряд законов, заложивших основу новой миграционной политики России². Эти меры и сопровождавшие их дебаты в Думе и прес-се свидетельствуют о противоречиях и колебаниях, характерных для этой политики. Мы наблюдаем, с одной стороны, стремление облегчить въезд и работу мигрантов, прибывающих на короткий срок, а с другой — страх потерять контроль над миграционными потоками (сохранение регистрации, квот и запрета для мигрантов заниматься некоторыми видами деятельности). За всем этим стоит определенное видение мигрантов и миграций: они одновременно являются необходимостью, так как позво-

¹ Настоящее исследование было осуществлено при поддержке Французского Национального агентства научных исследований (ANR) (тематический грант: «Постсоветские Кавказ и Центральная Азия: другой Юг?», 2008–2011 гг.).

² Декрет президента № 637 от 22 июня 2006 г. «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»; Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109–ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; Федеральный закон № 110–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”»; Федеральный Закон № 2 от 6 января 2007 г. «О внесении изменений в Федеральный Закон “О правовом положении иностранных граждан”» (поправки к закону, принятому в июле 2006 г.).

ляют в условиях демографического кризиса удовлетворить потребность в рабочей силе, и в то же время воспринимаются в качестве угрозы для страны-реципиента. Заметим, что такое восприятие усилилось под влиянием экономического кризиса.

В предлагаемой статье мы постараемся выявить связи между образом мигрантов и российской публичной политикой¹. Точнее, речь пойдет о том, как восприятие мигрантов элитами, СМИ и общественным мнением влияет на миграционную политику, и об впечатлении, который в свою очередь накладывает миграционная политика на образ мигрантов.

Кризисные меры и общественное мнение

Осенью 2008 г. «Молодая гвардия», молодежная организация партии «Единая Россия», провела по всей России кампанию под названием «Наши деньги — нашим людям!», официальной целью которой было способствовать в условиях кризиса сохранению рабочих мест для россиян. Призывы к национальным предпочтениям при приеме на работу (*Деньги российским рабочим! Наша страна — наша работа! Защитим граждан России!*) соседствовали с лозунгами, косвенным (*Порядок на стройке — порядок на улице, ФМС — не тормози!*) или прямым образом направленными против мигрантов (так, участники акции держали в руках огромный железнодорожный билет с надписью «Москва — Домой»²).

Эта кампания, скорее всего, получила одобрение премьер-министра Владимира Путина, если судить по его заявлению, сделанному в ходе телепередачи «Прямая линия» 4 декабря 2008 г. Среди вопросов, поступавших от жителей различных уголков России, прозвучала возмущенная ремарка москвички Елизаветы Николаевны Кузнецовой: «Странно как-то получается, очень многих людей сейчас увольняют, а вы, насколько я знаю, недавно утвердили новые квоты на иностранную рабочую силу. Вот и получается, что своих рабочих наши компании увольняют, а набирают гастарбайтеров». Признав закономерность

¹ Публичная политика рассматривается здесь не как средство решения существующей социальной проблемы, а как инструмент, с помощью которого среди многочисленных социальных проблем выбираются некоторые подлежащие обсуждению и решению. Социальные проблемы конструируются с помощью лидеров общественного мнения (opinion makers): газет, лобби, политиков и пр.; при этом то, как они формулируются, отчасти определяет даваемый на них ответ (см.: [Lascoumes, Le Galès 2007]).

² См. фотографии, сделанные во время акций 1 ноября 2008 г.: <<http://www.molgvardia.ru/gallery/2008/11/01/2988>>; 8 декабря 2008 г.: <<http://www.molgvardia.ru/gallery/2008/12/08/3296>>. На сайте можно также найти видеозаписи: <<http://www.molgvardia.ru/video/nashi-dengi-nashim-lyudyam>>.

подобного вопроса («Елизавета Николаевна, проблема такая существует»), но отметил, что мигранты выполняют не пользующуюся у россиян спросом работу, В. Путин пришел к следующему выводу: «Имея в виду весьма непростую ситуацию на рынке труда, считаю, что вопрос вами поставлен правильно. Мы еще эти квоты не утвердили, они только сформированы. Полагаю обоснованным сократить представленные заявки как минимум на 50 %».

Российское правительство не просто «опирается» на общественное мнение, чтобы оправдать решение сократить вдвое квоты на иностранную рабочую силу. В действительности оно «создает» его, прежде всего объясняя или подтверждая, как и что следует думать. Своим ответом В. Путин поддержал идею, согласно которой в России находится слишком много (учитывая кризис) мигрантов, которые отбирают работу у русских. Он, таким образом, не поставил под сомнение более чем спорную идею о связи между миграцией и безработицей.

Кроме того, власти «формируют» общественное мнение путем отбора или легитимации тех, кто его выражает. Вопрос Е.Н. Кузнецовой был явно отобран заранее; позиции зрителей, участвовавших в передаче «Прямая линия», отнюдь не представляли собой случайную выборку мнений, а «Молодая гвардия» не может считаться представительным выразителем точки зрения российского населения в целом.

Наконец, политики «создают» общественное мнение, превращая в проблему вопросы, которые не имеют существенного значения для всего населения страны. Стоит напомнить, что опросы нередко рассматриваются в качестве отражения общественного мнения, в то время как респондентов нередко заставляют высказываться по маловажным для них вопросам. Форма вопроса порой предопределяет ответ¹, а главное — результаты одного и того же опроса можно интерпретировать по-разному.

Возьмем в качестве примера опрос «Межэтническая напряженность», на протяжении многих лет проводимый Левада-центром. В октябре 2008 г.² на вопрос «Как вы относитесь к то-

¹ См., например, проведенный Левада-центром в апреле 2006 г. опрос, содержавший вопрос: «Есть ли что-нибудь, что вас лично раздражает в приезжих из стран СНГ? Если есть, то что именно?». Список ответов представляет собой настоящий каталог предвзятых мнений о мигрантах: «Они ведут себя развязно, как хозяева», «не соблюдают обычаи нашей страны», «занимают рабочие места», «соглашаются работать за мизерную оплату», «заполонили все рынки», «занимаются преступной деятельностью», «враждебно относятся к русским». В этом контексте не может не привлечь внимания тот факт, что 27 % опрошенных все же ответили, что мигранты их не раздражают (Левада-центр, апрель 2006 г.: <www.levada.ru/files/1172666067.doc>).

² <<http://www.levada.ru/press/2008111801.html>> (опрос 1600 россиян, 17–20 октября 2008 г., статистическая погрешность не превышает 3 %).

му, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из Украины, Белоруссии, Молдавии, других стран ближнего зарубежья?» были получены следующие ответы: определенно положительно — 5 %; скорее положительно — 16 %; нейтрально — 46 %; скорее отрицательно — 22 %; определенно отрицательно — 7 %; затруднились ответить — 3 %.

Можно, разумеется, прийти к выводу, что только 21 % опрошенных хорошо относится к мигрантам, работающим на стройках, в то время как 29 % настроены отрицательно. Между тем около половины респондентов (49 %) настроены нейтрально или безразлично, а лица, имеющие точно сформулированное мнение по этому вопросу, составляют меньшинство (5 % определенно положительно, 7 % определенно отрицательно).

Таким образом, хотя жесткая миграционная политика нередко рассматривается как ответ на ожидания со стороны общества, надо отметить, что подобные ожидания в действительности являются гораздо менее ясными, чем это изображают политические деятели. Последние порой используют факт принятия ими того или иного решения в качестве доказательства существования самой проблемы¹.

Возвращаясь к решению вдвое сократить квоты на иностранную рабочую силу (принятому, как инсценировал В. Путин, «по просьбе населения»), следует отметить, что правительство не пошло на 50-процентное сокращение квот. Количество разрешений на работу, подлежащих выдаче в 2009 г., было действительно уменьшено, но «резерв» (процент дополнительных разрешений, которые могут быть выданы в случае необходимости) был увеличен... Если ФМС использует весь имеющийся в ее распоряжении «запас» разрешений на работу, их общее число достигнет примерно 3,9 млн, что соответствует тому, что планировалось первоначально. Таким образом, сокращение квот не является решением, принятым под влиянием экономических соображений и представленным затем как ответ на давление общественного мнения. Скорее всего, главной целью этой меры было создать видимость принятия решения и произвести впечатление на общественное мнение.

¹ В качестве иллюстрации можно привести радиоинтервью В. Поставнина, бывшего заместителя директора ФМС, в котором говорилось о запрете для иностранцев торговать на рынках. Журналист напомнил: «Было селекторное совещание на этой неделе. И во всех регионах власти говорили: да нет у нас проблем, у нас на рынках максимум 5 % иностранцев торгуют». А затем задал вопрос: «А опыт вашей службы подтверждает эту цифру? Или все-таки цифры другие?». На это прозвучал ответ В. Поставнина: «Безусловно, наш опыт подтверждает, что цифры другие, иначе бы это решение не принималось. Это вы можете увидеть сами, посетив наши рынки, сколько там находится иностранных граждан» (Радио Маяк, 15 января 2007 г.). См.: <<http://www.upmonitor.ru/editorial/interview/1168801210/1108/print/>>.

Между тем даже если это решение относится исключительно к сфере «связей с общественностью» (PR), у него были и конкретные последствия. На местах ряд губернаторов решили в одностороннем порядке ввести нулевые квоты, т.е. перестать выдавать разрешения на работу. На дверях районного отдела миграционной службы неподалеку от станции метро «Проспект мира» в Москве в январе 2009 г. можно было прочитать следующее объявление, напечатанное крупным шрифтом на листе бумаги формата А4: «С 5/12/2008 г. прием заявлений на оформление разрешения на работу не производится».

Заметим, что заявление В. Путина прозвучало в эфире 4 декабря. Совпадение? В конечном счете, это заявление дало новый импульс кампании «Молодой гвардии». В ходе следующей акции, состоявшейся 8 декабря 2008 г., участники держали в руках огромный плакат с надписью «50 %» и скандировали «Каждый второй — домой!», намеренно смешивая «сокращение квот» с «сокращением количества мигрантов».

Государственная ксенофобия / ксенофобия элит

Коммуникация российского правительства по вопросу сокращения квот может послужить иллюстрацией «государственной» или «правительственной» ксенофобии — понятия, используемого французскими исследователями по поводу миграционной политики Франции последних лет¹. Речь идет о том, что, хотя в демократических государствах политические элиты научились воздерживаться от открытых расистских заявлений², сама государственная политика способна с помощью законов, административных решений, полицейских документов, названий учреждений и пр. конструировать отрицательный образ мигрантов и миграции, представляя их в качестве проблемы, угрозы и бремени для страны³.

¹ См., например: [Valluy 2008].

² Независимо от своих убеждений, политики следят за тем, чтобы не предавать их огласке. В противном случае они рискуют подвергнуться критике со стороны других партий, СМИ и представителей гражданского общества. Об этом свидетельствует, например, скандал, разгоревшийся во Франции в сентябре 2009 г. в связи с заявлениями министра внутренних дел Бриса Ортефё. Говоря о молодом активисте партии «Союз за народное движение» (UMP) и намекая на его арабское происхождение, министр воскликнул: «Если он один, ничего страшного, проблемы начинаются, когда их становится много». Позволив себе в неформальной обстановке шутку с расистскими коннотациями, Брис Ортефё потом всячески отрицал ее расистский подтекст, и вся президентская партия как один встала на его защиту.

³ Так, многие французские исследователи, историки, социологи, демографы, специалисты по вопросам миграции публично выразили несогласие в связи с созданием в 2007 г. Министерства по делам иммиграции, интеграции, национальной идентичности и солидарного развития. По их мнению, само название нового министерства содержит в себе определенную программу: так, связь между иммиграцией и национальной идентичностью отсылает к позициям ультраправых, видящих в иммиграции источник угрозы, а, например, идея «солидарного развития» ошибочным образом подразумевает, что экономическое развитие страны позволяет избежать эмиграции.

Как и французские, российские элиты, которые заботятся о своей политкорректности, знают, как представить себя «демократичными» и «открытыми» перед общественностью или западными партнерами. Так, если большинство руководителей Федеральной миграционной службы пришли из силовых структур¹ и продолжают рассматривать миграцию с полицейской точки зрения, связи с общественностью в этом учреждении возложены на женщину, единственную из заместителей директора, кто не служил ранее в милиции, армии или КГБ.

О том, что политические элиты хорошо знают, что и как им следует говорить, красноречиво свидетельствует и тот социологический или философский «лоск», которым прикрываются заявления ксенофобского характера. На это указывает, например, использование выражения «порог терпимости» для обозначения максимального количества иностранцев, которое может вынести общество². Эта фраза прозвучала в интервью одного из сотрудников московской мэрии, который, кстати, не преминул сослаться на французскую философию: «Вы, наверно, знакомы с тем, что есть в социологии такой порог терпимости: 12 %. Когда среди любого народа, в любой стране, 12 и более процентов людей, которые воспринимаются как несколько другие, не такие, то начинает прогрессировать и развиваться ксенофобия. Ну, у Сартра есть замечательное выражение: ад — это другие люди, поэтому... (смешок). То есть Сартр не одинок, у нас тоже здесь многие так считают» [Интервью в Комитете межрегиональных связей и национальной политики Москвы, 26.01.2009].

Наличие «государственной ксенофобии» свидетельствует о том, что даже в отсутствие высказываний расистского характера со стороны элит для создания отрицательного образа мигрантов достаточно административных решений. Именно так обстояло дело, к примеру, с постановлением правительства РФ от 15 ноября 2006 г., запретившим иностранцам продавать лекарства и алкоголь на рынках с 1 января 2007 г. Это решение было принято после серии кризисных ситуаций — многочисленных сообщений об отравлениях некачественным алкоголем осенью 2006 г., запрета на ввоз грузинского и молдавского вина с апреля 2006 г., российско-грузинского кризиса сентября 2006 г., этнических беспорядков в Кондопоге. Принимая это

¹ К.О. Ромодановский, директор ФМС России, генерал-полковник милиции, служил в КГБ (где занимался борьбой с организованной преступностью), а затем в ФСБ и МВД России. Из шести заместителей директора ФМС до прихода на работу в это учреждение трое занимали высокие посты в МВД, один — в КГБ / ФСБ, а еще один — в пограничных войсках (<<http://www.fms.gov.ru/about/structure/head/>>, июль 2009 г.)

² Об этом термине и о том, как из социологического анализа он переместился в высказывания экспертов, а затем в политический дискурс, см.: [Шнирельман 2008].

постановление, российское правительство (намеренно или нет) поддержало и укрепило веру в то, что мигранты являются потенциальными «отравителями» и источником опасности для здоровья россиян. Тем самым оно напрямую способствовало их стигматизации.

Более того, запретив с 1 апреля 2007 г. иностранцам заниматься рыночной и палаточной торговлей, правительство еще больше подогрело существующую в обществе нелюбовь к торговцам иностранного происхождения. Официально эта мера объяснялась стремлением облегчить доступ на рынки российским фермерам, но ее целью было также, по-видимому, сделать присутствие мигрантов менее заметным, вытеснив их из профессий, предполагающих прямой контакт с клиентами. На настоящий момент иностранцам запрещено быть продавцами и кассирами, но они могут продолжать работать на рынках в качестве грузчиков, уборщиц и даже менеджеров¹. Части мигрантов действительно пришлось покинуть рынки, но некоторые из них используют стратегии, позволяющие обойти запрет, например, нанимая на работу российских граждан или членов своих семей, имеющих российское гражданство. Вопреки задуманному, массовой замены кавказских посредников российскими фермерами не произошло [Интервью с Еленой Тюрюкановой, март 2008 г., и с Василием Филипповым, март 2008 г.].

Эта политика показывает, что российское правительство, вместо того чтобы бороться с предрассудками, существующими в отношении мигрантов, использует их в качестве отправной точки и одновременно подпитывает их. Принимая подобное постановление, российское правительство признает правоту тех, кто считает, что на рынках торгует слишком много иностранцев; оно пытается решить эту «проблему» косметическими мерами, устраняя источник напряженности. Голоса против такого отстранения иностранцев звучат крайне редко. Наоборот, некоторые официальные лица критикуют эту меру не за поощрение ксенофобии, а за бесполезность и неспособность сократить присутствие иностранцев: «Посредник обычно — это азербайджанец, который умеет это делать. Ну что этому остается делать? Тот приглашает азербайджанца торговать за этим прилавком, но у которого уже российский паспорт. А покупатель, которого может раздражать то, что ни одного русско-

¹ См.: Разъяснения о порядке применения Постановления Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации» <www.rosпотребнадзор.ru/documents/postanovlenia/725>.

го лица нет, славянского, он же паспорта не спрашивает. То есть ничего не изменилось. Азербайджанец хозяин, и за прилавком азербайджанец торгует. Только у него российский паспорт» [Интервью в Комитете межрегиональных связей и национальной политики города Москвы. 26.01.2009].

«Нелегал = вор»

19 января 2009 г. активисты движения «Молодая гвардия» вышли на вокзал встречать поезд Ташкент — Москва с лозунгом «Нелегал = вор» и стилизованным изображением тюремной решетки и наручников. При этом они скандировали: «Хочешь работать, плати налоги», «Работай легально» — и раздавали листовки с описанием процедур, которые необходимо пройти мигрантам для легализации своего положения. Одновременно подобные акции прошли в ряде других городов России.

За показной заботой о мигрантах (которых призывают легализоваться, чтобы не оказаться в уязвимом положении) кроется стигматизация: эта акция подразумевает, что мигранты, прибывающие на Казанский вокзал, априори являются нелегалами. Следует, однако, напомнить, что выходцы из стран Центральной Азии (за исключением Туркменистана) пользуются безвизовым режимом въезда на территорию РФ и потому по определению не могут считаться нелегалами в момент приезда¹. А главное, обращенный к ним призыв «работать легально» перекладывает на их плечи всю ответственность за поиск легальной работы, тогда как вина за то, что доля работающих «по-черному» в России по-прежнему велика, лежит в значительном мере на работодателях и государственной миграционной политике (ограничительные квоты, недостаточно суровые санкции против работодателей).

Стигматизируя мигрантов как «нелегалов», «Молодая гвардия» развивает тему мигранта-вора, опираясь на несколько различных регистров смысла. Как уже говорилось выше, первый отсылает к образу мигранта, «ворующего» работу у российских граждан. Так мигранты превращаются в козлов отпущения и наделяются ответственностью за экономическую ситуацию, первыми жертвами которой они сами и являются.

¹ По прибытии мигранты должны в трехдневный срок встать на учет. Согласно принятым в июле 2006 г. законам, постановка на учет осуществляется с участием принимающей стороны (гостиницы или работодателя); в ней не может быть отказано. После этого мигранты могут оставаться в России на протяжении 90 дней. Чтобы работать, необходимо запросить разрешение на работу в Федеральной миграционной службе, которая выдаст его, если это позволят квоты. См. также доклад HRW «Эксплуатация трудовых мигрантов в российском строительном секторе», февраль 2009 г.: <<http://www.hrw.org/en/reports/2009/02/09>>.

Вторая подспудная тема отсылает к идее, что мигрант ворует деньги у российского государства, уклоняясь от выплаты положенных налогов и отчислений. Руслан Гаттаров, председатель Политсовета «Молодой гвардии Единой России», объясняет акцию возле Казанского вокзала следующим образом: «Мы хотим, чтобы приезжающие в Россию понимали: устраиваясь на работу нелегально, не платя налогов, они становятся простыми ворами. Наверняка далеко не все из них это осознают»¹.

Вопрос налогов был, кстати, использован в качестве аргумента в момент принятия новых законов о миграции в июле 2007 г. Призванные помочь мигрантам быстрее урегулировать свое положение, они должны были со временем внести вклад в борьбу с уклонением мигрантов и их работодателей от налогов. Мигранты, однако, не просто обвиняются в неуплате налогов. Даже тот факт, что они посылают заработанные деньги к себе домой, вместо того чтобы тратить или инвестировать их на территории России, воспринимается как «кража» по отношению к стране, позволившей им заработать эти деньги. Этот взгляд разделяет даже директор ФМС К. Ромодановский, о чем свидетельствуют его слова в интервью газете «Комсомольская правда»: «Не случайно мы возмущаемся, что мигранты не платят налоги. Ведь, если подсчитать, получается огромная сумма денег. Более 200 миллиардов рублей в год мы теряем только на налогах, которые не платит работодатель. Плюс иностранные работники каждый год вывозят из России в свои страны около 260 миллиардов рублей. Итого — 460 миллиардов теряем. Как минимум. А эти деньги должны идти на “социалку”, пенсионеров, бюджетников»².

Третий уровень смысла лозунга «нелегал — вор» является наиболее буквальным. Еще задолго до того, как в России стали ощущаться последствия кризиса, в российских СМИ появилось большое количество тревожных публикаций, в которых говорилось, что потерявшие работу мигранты неизбежно пополнят ряды мелких преступников. Эти опасения усилил президент Д. Медведев: в феврале 2009 г. он отдал распоряжение Министерству внутренних дел следить за ростом преступности среди иностранной рабочей силы. В его речи была установлена четкая связь между «нелегальной миграцией» и «преступностью»: «Еще одна проблема — это нелегальная трудовая мигра-

¹ «Наши деньги — нашим людям!». Новый этап кампании. Опубликовано 19 января 2009 г. <<http://www.molgvardia.ru/nextday/2009/01/16/3871>>.

² Вандшева О. Глава Федеральной миграционной службы РФ Константин Ромодановский: Новых граждан в Россию надо звать не уговорами, а рублем <<http://www.kp.ru/daily/23834/61913/>> (09.01.2007).

ция. Известно, что преступность среди граждан, которые прибывают из ближнего зарубежья, постоянно растет»¹.

В действительности между двумя явлениями не существует логической связи; более того, вопрос уровня преступности среди мигрантов нельзя считать решенным. Статистические данные, предоставленные министром внутренних дел Рашидом Нургалиевым 1 июля 2009 г., отражают долю иностранцев среди «авторов» всех преступлений, зарегистрированных в России (2,2 %²), а не долю преступников среди иностранцев. Тем не менее после этого заявления в печати зазвучала тема роста преступности среди мигрантов: «В РФ растет число преступлений, совершенных иностранцами, — глава МВД РФ» (ИТАР ТАСС Урал. 2009. 1 июля); «МВД России: Безработные гастарбайтеры пополняют преступный мир»³. Веб-сайт <www.newsru.com> публикует заметку под заголовком «МВД: Безработные гастарбайтеры стремительно пополняют ряды преступников» (2009. 1 июля); в тексте статьи сообщается, что «по некоторой информации, в результате закрытия Черкизовского рынка в Москве стали безработными 10 тыс. граждан Таджикистана. Некоторые из них могут пополнить ряды преступников, оказавшись без средств к существованию».

Помимо жажды сенсаций, толкающей многие СМИ на искажение информации или выпячивание деталей, способных привлечь внимание публики, проблема заключается в статистике и в том, что считается преступлением. В используемых в данном случае статистических данных не делается различия между административными правонарушениями и преступлениями. В случае сокращения квот число мигрантов, работающих нелегально и, следовательно, совершающих административное правонарушение, неизбежно увеличится⁴. Таким образом, общее количество иностранцев, нарушающих законы (регулирующие пребывание на национальной территории и работу), вырастет, но это не будет означать, что они стали опасными для российского общества преступниками. А ведь именно эту

¹ См.: <<http://lenta.ru/news/2009/02/06/crimes/>>.

² «С января по май текущего года на территории страны зарегистрировано 1299 преступлений. <...> Иностранцами гражданами и лицами без гражданства совершено 27,8 тыс. преступлений, в том числе гражданами государств-участников СНГ — 25,6 тыс. преступлений» <<http://www.mvd.ru/apounce/6623/>>.

³ Делеша Росбизнесконсалтинга: <<http://top.rbc.ru/society/01/07/2009/313212.shtml>>, опубликованная также на многих других сайтах: <<http://www.centrasia.ru>>, <<http://newsland.ru>>, <<http://rssportal.ru>>.

⁴ Дело в том, что миграция не снижается так быстро, как этого хотели бы политики, и мигранты продолжают прибывать в Россию, несмотря на кризис. В самой основе российской миграционной политики заложено глубокое противоречие: снижая квоты, правительство «создает» нелегальную миграцию, с которой оно, казалось бы, собиралось бороться.

мысль внушают политики и журналисты, говоря о том, что, перестав работать, мигранты логическим и естественным образом пополняют преступный мир.

«Таджик» — олицетворение неквалифицированного рабочего, плохо владеющего русским

В процитированной выше депеше <www.newsru.com> интересно отметить связь между Черкизовским рынком в Москве и гражданами Таджикистана. Этот огромный рынок действительно всегда ассоциировался с «иностранцами» (что, кстати, стало причиной теракта, совершенного в августе 2006 г.), но обычно речь шла об азербайджанцах¹. Складывается впечатление, что в публичном дискурсе о миграциях произошло «смещение», «сдвиг» от образа «кавказца, работающего на рынке», к «выходцу из Центральной Азии, работающему на стройке».

Так, термин «таджик» превратился в метонимию, обозначающую одновременно мигрантов из Центральной Азии и неквалифицированных рабочих². Первый пример, который приходит на ум, — это телепередача «Наша Раша» с персонажами Равшаном и Джамшудом, *гастарбайтерами* из Центральной Азии, работающими под руководством русского «начальника». Содержание скетчей неоднозначно: два таджика, едва владеющих русским языком, совершают одну глупость за другой, но их манера разыгрывать из себя идиотов является своего рода стратегией, в этих диалогах нередко достается и русским. Как бы то ни было, популярность передачи внесла вклад в укрепление образа «таджика» как неквалифицированного мигранта, занятого на строительстве.

Стереотипы подобного рода имеют тенденцию подпитывать себя, так как чаще всего национальность служит для обозначения мигрантов, занимающихся именно малоквалифицированным трудом, в то время как для обозначения иностранцев, занимающих руководящие должности или выполняющих интеллектуальную работу, используется обычно их статус³. Тот факт,

¹ Бывший директор ФМС В. Поставнин даже говорил о своего рода азербайджанском гетто: «В районе Черкизовского рынка, где проживает много граждан из Азербайджана, намечается даже отток коренного населения. Ассимиляции и интеграции в общество приезжих в таких районах, как правило, не происходит, они начинают жить по собственным законам» <<http://www.vremya.ru/2006/211/51/165741.html>> (16.11.2006).

² Интересно, что, как отмечает Николя Жунан, автор исследований, посвященных строительным рабочим во Франции, в этой стране названия «африканец» и «малиец» часто используются как синонимы, а прозвище «Мамаду» систематически применяется в отношении неквалифицированных рабочих-африканцев, занимающих низшую ступень профессиональной иерархии, построенной на этническом принципе [Jouin 2008].

³ Так, таджикского исследователя, работающего в России, чаще всего будут называть «исследователем», в то время как о его соотечественнике, работающем на стройке, будут говорить как о «таджи-

что из группы, известной как «таджики», исключаются квалифицированные работники, приводит не только к тому, что под «таджиками» начинают подразумевать всех мигрантов из Центральной Азии, занимающихся неквалифицированным трудом, но и способствует распространению убеждения, что все таджики обладают низкой квалификацией.

В действительности, однако (как это часто бывает с мигрантами и беженцами), лицам, приезжающим в Россию, приходится соглашаться на работу, требующую более низкой, чем имеющаяся у них, квалификации (врачи, работающие медсестрами; учительницы, ставшие официантками, и пр.). Но стереотип вызывает «смещение» и приводит к тому, что в силу специфической социальной ситуации уроженцы целого региона наделяются определенными устойчивыми характеристиками. Другими словами, на основе описания объективно существующей ситуации (большинство мигрантов из Центральной Азии выполняют неквалифицированную работу) рождается негативная оценка самих мигрантов («мигранты из Центральной Азии обладают низкой квалификацией»).

Так, в ходе интервью директор одного московского предприятия, занимающегося прокладкой канализации и водопровода, объяснял, что он приглашает шахтеров из различных регионов России для работы под землей, так как «таджики боятся» [Интервью с М., 29.01.2009]. Последние, по его словам, могут выполнять только неквалифицированную работу: «Таджик не работает электриком, нужен обученный персонал. Но копать траншеи они могут». Рассказывая о том, как его компания заботится о персонале, директор говорил, что они организуют курсы русского языка для своих работников, так как «таджики» все хуже и хуже понимают этот язык. А это, пояснил он со смехом, создает проблемы, так как «иначе нельзя его обругать. <...> Он смотрит на тебя, как эта умная собака, все понимает, а сказать ничего не может».

Идея, согласно которой мигранты из Центральной Азии не владеют русским языком, чрезвычайно распространена. Здесь процесс стереотипизации также приводит к «смещению». От описания определенной социолингвистической ситуации (сегодня в Центральной Азии русский язык используется гораздо меньше, чем в советский период, поэтому молодежь владеет им хуже, чем старшее поколение) осуществляется переход к оценке языковых способностей всех «таджиков», которых теперь

ке». Точно так же французам не придет в голову назвать «арабом» ученого родом из Магриба, тогда как это слово широко употребляется в отношении, например, владельцев маленьких бакалейных магазинов.

отождествляют с неспособным связать двух слов по-русски Равшаном из «Нашей Раши».

Это обобщение, проникнутое настоящим презрением (ср. выше сравнение таджика с домашним животным), имеет последствия и в области государственной политики. В Думе неоднократно обсуждался вопрос о введении лингвистических тестов для мигрантов. Законопроект об обязательном тестировании был внесен на обсуждение в Государственную думу в ноябре 2008 г., а затем (после неудачной попытки в январе 2009 г.) был принят в первом чтении в конце июня 2009 г. Как предусматривает законопроект, сдача экзамена на знание русского языка будет обязательной для получения вида на жительство; лица, прошедшие тестирование, получают разрешение на работу не на один год, а на два. Согласно этому законопроекту, словарный минимум трудовых мигрантов, необходимый для понимания инструкций по технике безопасности, должен составлять не меньше 780 слов¹. Здесь в полной мере проявилось противоречие, характерное для российской миграционной политики: плохое знание языка считается препятствием на пути интеграции мигрантов, в то же время иностранцы рассматриваются исключительно как временная рабочая сила (об этом свидетельствует использование термина *гастарбайтер*), от них требуют только минимального владения языком, необходимо для выполнения рабочих операций.

Наконец, стереотип мигранта, плохо говорящего по-русски, приобрел дополнительное измерение в результате небольшого скандала, вызванного заявлением министра культуры РФ Александра Авдеева. 30 июня 2009 г. в ходе пресс-конференции (последовавшей за рабочим заседанием, посвященным вопросам терпимости) министр выдвинул идею, согласно которой русский язык портится из-за миграций: «Люди стали больше ездить, народы — активнее переселяться в поисках работы, лучших климатических условий, лучшего будущего для своих детей. <...> Во многом из-за этих миграционных процессов люди стали хуже говорить по-русски»². Смысл этого заявления был не совсем ясным (складывается впечатление, что А. Авдеев имел в виду прежде всего внутренние миграции), но средства массовой информации поспешили интерпретировать его как намек на иностранных трудовых мигрантов. На сайте <lenta.ru> была опубликована депеша «Министр культуры обвинил мигрантов в порче русского языка» (2009. 30 июня),

¹ Павликова О. Скажи 700 русских слов и живи в России еще год <<http://www.gzt.ru/Gazeta/244916.html>> (23.06.2009).

² «В плохом русском языке “виновна миграция”» <http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/06/090630_russian_language_avdeev.shtml>.

а затем, после того как министру пришлось принести извинения, — «Министр культуры признал мигрантов невинными в порче русского языка» (02.07.2009). «Московский комсомолец» недвусмысленно заявил, что «трудовые мигранты влияют на употребление языка в худшую сторону»¹. Даже если главная ответственность за стигматизацию мигрантов лежит на журналистах, по-своему использовавших слова министра культуры, конечный результат тот же: мигранты обвиняются не только в плохом знании русского языка, но и в плохом влиянии на российское общество.

Страх перед «заразными» мигрантами

Подобные обвинения, подчеркивающие отрицательное влияние мигрантов и угрозу с их стороны, также часто звучат при обсуждении вопросов здравоохранения. О страхе перед болезнями, которые якобы приносят в Россию мигранты, свидетельствуют заголовки многочисленных статей из печатных и электронных изданий: «В России каждый десятый трудовой мигрант болен туберкулезом, СПИДом или гепатитом» <www.newsru.com> (2007. 22 февр.); «Какие болезни везут в Москву мигранты?» [Московский комсомолец. 2007. 14 авг.]; «Заразные гастарбайтеры заполнили Москву» [Московский комсомолец. 2008. 22 янв.]; «Картину портят временно прибывшие» (статья об эпидемиологической ситуации в Петербурге, [Час пик. 2009. 28.01—3.02]); «Мигранты везут заразу» [МК в Питере. 2009. 27 мая]². В последней статье, посвященной туберкулезу, упоминается отсутствие официальных статистических данных. В тексте большинства статей содержится мало данных, которые могли бы подтвердить их тревожные заголовки и продемонстрировать, что мигранты «везут заразу» в Россию.

Правда, многие международные и медицинские неправительственные организации отмечают ухудшение санитарных условий, в частности распространение туберкулеза в Центральной Азии³. Но для всех упомянутых выше статей характерно смешение различных заболеваний, отсутствие указаний на тип гепатита (А, В или С), путаница между болезнями, передаваемыми половым путем, и, например, туберкулезом.

¹ «Россияне стали хуже говорить по-русски. Трудовые мигранты повлияли даже на дикторов» [Московский комсомолец. 2009. 30 июня. <http://mk.ru/social/310486.html?phrase_id=1542575>].

² <<http://www.mk-piter.ru/2009/05/28/026/>>.

³ Принято различать «импортированные заболевания» (привозимые мигрантами из родных стран, где они являются эндемическими) и «приобретенные заболевания», которыми мигранты заболели на новом месте под влиянием тяжелых условий жизни и работы. Учитывая, что мигранты вынуждены жить в перенаселенных, порой не удовлетворяющих санитарным требованиям помещениях, туберкулез является в значительной мере приобретенным заболеванием.

Эта путаница и страх перед инфекцией отразились в уже цитированном выше интервью с одним из сотрудников московской мэрии: «15 % в среднем людей, которые к нам приезжают, они инфицированы одним из заболеваний. Это выясняется здесь, при проверке. Это такие заболевания, как гепатит, туберкулез, сифилис, ВИЧ. <...> Они должны анализ крови в одном месте производить, другие исследования в другом, таким образом они в толпе москвичей перемещаются по городу, при нашей плотности населения 13 000 чел. на квадратный километр, это в общем очень неприятная вещь» [Интервью в Комитете межрегиональных связей и национальной политики Москвы, 26.01.2009].

Страх перед инфекцией опирается на инверсию понятия «группа риска». Мигранты, будучи уязвимой группой населения, рискуют заразиться рядом болезней, но этот страх превращается в идею, согласно которой мигранты вообще представляют собой риск для населения России¹. И все это влияет на миграционную политику, так как эти страхи используются для того, чтобы оправдать введение более строгого контроля над здоровьем мигрантов.

Принцип специальной проверки состояния здоровья мигрантов является практически универсальным (см., в частности, роль Международной организации по миграции на международном уровне), но в России он принимает особую форму. Получив разрешение на работу, каждый мигрант должен пройти медицинский контроль, который включает выявление «социально опасных заболеваний» (туберкулеза, ВИЧ, сифилиса и других болезней, передаваемых половым путем, лепры и др.), а также наркомании. Полученную медицинскую справку следует предоставить в ФМС в течение месяца. Если мигрант не в состоянии предъявить справку или страдает одной из указанных болезней, выданное ему разрешение на работу аннулируется и он получает предписание покинуть территорию РФ. В случае обнаружения ВИЧ-инфекции может быть применена принудительная высылка.

Отнюдь не все, однако, считают эти меры, введенные в момент принятия нового законодательства в 2006 г., достаточными. Так, в июне 2006 г. в ходе дебатов о новых законах о миграции депутат ЛДПР Курьянович подверг критике правило, согласно которому мигрантам предоставляется месяц для прохождения медицинской проверки: «Получится, что иностранный граж-

¹ Следует отметить, что подобной стигматизации мигранты подвергаются и у себя на родине, где санитарные учреждения обвиняют их в том, что они привозят из России болезни, в частности ВИЧ-инфекцию.

данин в течение месяца сможет безнаказанно распространять инфекционное заболевание, провоцировать заражение СПИДом и другими заболеваниями граждан России <...>. Для того чтобы заболеть птичьим гриппом или сифилисом, не надо ждать целый месяц»¹. В январе 2009 г. группа депутатов «Единой России» внесла законопроект об обязательном страховании мигрантов; он предусматривает, что медицинскую справку необходимо будет представить в момент приезда в страну².

Мигрантов обвиняют также в том, что они покупают и используют фальшивые справки. В связи с этим московское правительство планирует ввести «карту иностранного гостя», снабженную чипом; прошедшие сертификацию врачи будут напрямую вносить результаты медицинской проверки в компьютерную базу данных. Доступ к хранящимся в ней данным получают Министерство труда, ФМС и ФСБ³. Так под предлогом защиты здоровья москвичей создается новая полицейская компьютерная система контроля над мигрантами.

Эти санитарные меры призваны защитить российское общество и гарантировать физически здоровую иностранную рабочую силу⁴. Они не предполагают оказания медицинской помощи мигрантам. Если иностранцу не удастся успешно пройти медицинскую проверку, он должен вернуться лечиться к себе на родину. Российское государство принимает меры только в неотложных случаях: так, обычное лечение от туберкулеза доступно исключительно гражданам РФ, а мигранты могут рассчитывать на помощь только в случае «открытых» форм туберкулеза [Интервью с Олими Ширинбеком и Мартином Коклерокеном («Врачи мира»), Москва, 28.01.2009]. Согласно действующему законодательству, трудовые мигранты имеют право на медицинскую страховку⁵, но на практике работодатели крайне редко оформляют ее.

¹ <[http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe?B0CW\[F11&28.06.2006&F11&28.06.2006&F11&&F258&^&\]X2366](http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe?B0CW[F11&28.06.2006&F11&28.06.2006&F11&&F258&^&]X2366)>.

² «Дума рассмотрит законопроект об обязательном медицинском страховании мигрантов» <http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/01/15/n_1317695.shtml> (15.01.2009).

³ «Карта иностранного гостя», документ для внутреннего пользования, администрация г. Москвы. См. также интервью с М. Соломенцевым, председателем Комитета межрегиональных связей и национальной политики города Москвы [Российская газета. 2008. 29 дек.].

⁴ Такой подход не является уникальным. Во Франции до конца 1960-х гг. существовали пункты санитарной проверки для мигрантов из колоний, приглашенных работать в угольных шахтах на севере страны. С тех пор во Франции подход изменился. Просителям убежища и иностранцам по-прежнему приходится проходить медицинский осмотр, но лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями, разрешается остаться во Франции, если у них на родине им не может быть обеспечено необходимое лечение.

⁵ См.: «Are You Happy to Cheat Us? Exploitation of Migrants Construction Workers in Russia» (HRW report. 2009. Feb. 10. P. 67).

Как объяснял уже знакомый нам директор московской компании, работающей в сфере коммунального хозяйства, он мог бы заключить договор с частной больницей или оформить страховые полисы для работающих у него мигрантов. Однако, добавляет он, если мигрант уедет, страховка окажется бесполезной, кроме того, нельзя быть уверенным, что иностранный рабочий заболеет во время своего пребывания в России (sic). Поэтому его компания предпочитает платить, когда возникает проблема, и прибегать к услугам Скорой помощи, так как «Скорая помощь возьмет любого». Заболевших мигрантов стараются отправить на родину («хорошо, если удастся его живым в поезд посадить»). А в случае смерти предприятие оплачивает расходы на похороны, так что, подытоживает этот руководитель, «идея, что мигранты стоят дешево, — миф».

Взгляд мигрантов на себя и окружающее общество

До сих пор вне нашего поля зрения оставался один важный вопрос. Как относятся к этим стереотипам и образам сами мигранты, живущие в России? Интервью с мигрантами из Центральной Азии (Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана) позволяют кратко ответить на этот вопрос¹. Из их слов становится понятно, что им, разумеется, хорошо известны господствующие представления о мигрантах (как о лицах, занимающихся низкооплачиваемым трудом, живущих в нищете, плохо владеющих русским); более того, они, кажется, даже интегрируют некоторые стереотипы в собственные представления о себе, стараясь при этом дистанцироваться или подчеркнуть свое отличие от этого образа. Мигранты явно воспринимают свое положение в России как потерю социального статуса, и все же их реакция индивидуальна.

Одна из опрошенных, 40-летняя женщина из Кыргызстана, работающая уборщицей, переживает из-за своего положения. Отвечая на вопрос о том, предоставляют ли ей отпуск по болезни, она сказала: «Если я грипповать буду, да. У них аптечка есть, если я скажу, что у меня голова болит, они сразу “Ты не гриппуешь?” спрашивают, чтобы не заразить. У нас же заходят люди, чтобы мы не заразили». В Киргизии она работала медсестрой и потому, возможно, разделяет характерный для советского времени страх перед инфекционными заболеваниями, включая самые обычные, например грипп. Но невозможно не увидеть проявление символического насилия в том, что первой заботой как для нее, так и для ее работодателя является не ее здоровье, а здоровье потенциальных клиентов. Отпечаток сим-

¹ Интервью были записаны в Москве, в помещении Профсоюза трудящихся-мигрантов.

волического насилия лежит на всем интервью с этой мигранткой. Свободно владея русским языком, она, тем не менее, несколько раз приносила извинения за свой «плохой русский» и с сожалением говорила, что «теперь ни киргизский, ни русский не (знает), только швабру и тряпочку, и всё».

Совсем иначе говорит об этом другая респондентка, 50-летняя уроженка Памира, бросившая в Таджикистане работу учительницы, чтобы стать в Москве официанткой и уборщицей. Она превращает свою тяжелую жизнь в предмет гордости: «Москвичи хорошо не работают, их увольняют, они лентяи. А мы, иммигранты, мы работаем. Мы бедные, родились в горах, трудились на земле, пахали, пахали, мы здесь на все условия согласимся. А они-то, где живут москвичи, как живут? Сидят в комнате, выходят, гуляют, пьют, им трудно стоять 12 часов на ногах. А я вот 15 часов в сутки работаю». Создавая обратный стереотип «русских», она превращает в достоинство именно те характеристики «таджиков», которые в России рассматриваются чаще всего снисходительно или с пренебрежением.

Библиография

- Шницерман В.* Лукавые игры и обманчивые теории: о некоторых подходах к изучению мигрантов // Вестник Евразии. 2008. № 2 (40). С. 125–150.
- Jounin N.* Chantier interdit au public. Enquête parmi les travailleurs du bâtiment. P.: La découverte, 2008.
- Lascoumes P., Le Galès P.* Sociologie de l'action publique. P.: Armand Colin, 2007.
- Valluy J.* Du retournement de l'asile (1948–2008) à la xénophobie de gouvernement: construction d'un objet d'étude // Cultures et conflits. Printemps. 2008. No. 69. P. 81–111.